

КАК ВОЗМОЖЕН МЕТАЯЗЫК ПОЛИТИКИ?

Предварительные замечания

Согласно самому общему определению, метаязык – это язык, средствами которого описывается другой язык, то есть чьим референтом выступает символическая реальность языковых знаков. Проблемы, связанные с необходимостью метаязыкового анализа, стали осознаваться еще античными философами, что явилось следствием усложнения дескриптивных языковых практик и выстраивания их иерархий. Эксплицитная концепция метаязыка впервые появляется для решения задач математической логики, и лишь позже ее заимствует лингвистика и семиотика. В настоящее время идея метаязыка активно используется в философии и методологии науки применительно к различным областям научного познания. При всех особенностях использования концепции метаязыка в различных предметных областях, считается общепризнанным, что метаязык должен быть богаче соответствующего языка объекта, так как должен содержать не только обозначения для всех имен и выражений последнего, но и фиксировать с помощью своих специфических средств их свойства и устанавливать различного рода отношения и связи между ними.

Итак, метаязыковые проблемы генетически связаны с проблемами теоретической философии, поскольку в центре их находился вопрос об истине. Не случайно проработанная концепция метаязыка с соответствующим терминологическим обеспечением появляется в работах неопозитивистов, озабоченных строгостью научного знания и подвижимым стремлением освободить науку от неточностей и ловушек естественных языков. В связи с этим вполне закономерен вопрос о том, возможен ли метаязык в тех областях знания, которые восходят своими корнями не к теоретической, а к практической философии? Парадигмальным примером такого рода знания выступает политическая теория.

Любая теория, описывающая тот или иной сегмент социальной реальности по определению создает метаязык. Почему? Потому что социальная (и политическая) жизнь оказывается возможной лишь благодаря нашей способности к символизации, и объект любой социально-гуманитарной теории (и политические теории тут не исключение) имеет, по крайней мере, отчасти, лингвистическую природу. Следовательно, язык самих теорий будет выступать как метаязык, а его объектом будут социальные, культурные и политические языковые игры. Не существует логических препятствий для того, чтобы продолжить эту рефлексивную

лестницу, и помыслить существование метаязыка, объектом которого будет язык политической науки, а затем и политической философии. В рамках такой схемы действует, например, Боб Джессоп, который говорит о четырех способах (или модусах) организации политической теории: политическая наука, политическая философия, политическая мета-наука и политическая мета-философия. В проблемном поле каждого из этих модусов возможно выделение четырех конвенциональных секторов: онтологического, эпистемологического, методологического и этического. Для прояснения вопроса и представления о принципах формирования этих модусов знания о политике приведем в пример основные вопросы, определяющие в общих чертах проблематику каждого из них¹. Итак, политическая наука спрашивает о том, каковы формы политики и условия их реализации; каковы методы исследования форм политики и каково отношение между знанием и властью. Политическая философия ставит перед собой цель прояснения того, что есть политика, что есть власть, почему и то и другое может существовать; каковы форму политического знания и как возможно их получение; какова наилучшая форма политической жизни. Политическая мета-наука, в свою очередь, занята выяснением статуса и принципов организации политической науки, условий ее существования, ее нормативных допущений и импликаций, а также условий применения методов политической науки и характера знания, получаемого с использованием данных методов. И, наконец, политическая мета-философия ставит перед собой вопросы об онтологических, эпистемологических, методологических и этических горизонтах политических теорий. Разумеется, границы между этими типами организации знания могут показаться довольно условными и не всегда отчетливыми, однако само предположение возможности выделения не одного, а сразу двух видов мета-теории – научной и философской – заставляет серьезно задуматься над условиями возможности существования мета-описания политики, ее мета-языка.

Далеко не все признают возможным и уместным такое выделение. Весьма упрощенно, можно говорить о двух диаметрально противоположных взгляда на проблему. Первый отрицает саму возможность политического метаязыка, второй – постулирует его необходимость. Примечательно, что проекты политического метаязыка возникают у теоретиков, которые по своим идеологическим установкам часто (но не всегда) тяготеют к «правому» полюсу, в то время как теоретики из «левого» лагеря зачастую склонны либо вообще отвергать политический метаязык, либо относиться к нему с изрядной долей осторожности.

Хрестоматийным примером мета-рефлексии может служить теория политического, разработанная Карлом Шмиттом, а точнее, его «политическая теология». Шмитт предложил концептуализацию политических феноменов,

---

¹ См.: Jessop, B. Political ontology, political theory, political philosophy and the ironic contingencies of political life. In: Der Menschsein Zoon Politikon: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt. 2005, Pp. 189-208.

исходя из идеи привилегированности «удаленного взгляда» или мета-уровня, с позиции которого совершается суд над феноменами на предмет их соответствия эпистемологическим требованием, установленным для статуса «политического»². Этот статус зависит от того, может ли концепция или теория сконструировать коллективные идентичности на основании дихотомии друг / враг. Такое противостояние обязательно, ибо одна идентичность поддерживает другую, и конфликт между ними позволяет говорить о политическом. Таким образом, мир политического никогда не является «универсумом», но всегда «поливерсумом». Однако, хотя Шмитт и настаивает на сущностной фрагментированности политического бытия, он все-таки обращается к уровню глобальной мета-перспективы, когда дело доходит до концептуального аппарата, используемого им для осмысления политики. Итак, невзирая на постулируемую плюральность политики, в концептуальном плане она унифицирована, поскольку каждая из сторон конфликта идентифицирует другую как «внешнего врага».

Трансцендентальной перспективе Карла Шмитта можно противопоставить подходы, стремящиеся к созданию имманентной теории политики, такие как теория гегемонии Антонио Грамши³. У Грамши политика предстает в виде действующих ансамблей властных отношений, а теоретические концепты не отделяются от мира феноменов, которые ими описываются. Понятия предстают здесь как неотъемлемая часть самой конституции политики, принадлежа конкретным ситуациям и практикам. Грамши противостоит попыткам трансцендировать интеллектуальную рефлексию, вынести ее за пределы общего для всех мира и поместить в особую сферу, доступ к которой будет открыт лишь членам «элитарного клуба интеллектуалов». Все люди являются интеллектуалами, заявляет Грамши, но не все имеют доступ к соответствующим сферам деятельности, где они могли бы выполнять функцию интеллектуалов. Не существует «немыслящих» социальных агентов. Это означает, что понятия дрейфуют между теоретической и практической деятельностью, а сами теория и практика встроены друг в друга. Политические концепты распространяются посредством коммуникации и служат для информационного обеспечения практической деятельности. Они координируют поведение индивидуальных агентов. Политическая власть как сила, трансцендентная по отношению к индивидуальным перспективам, сама продуцируется коллективным использованием данных концептов. Таким образом, глобальные политические эффекты, проявляющиеся на уровне государства, берут свое начало на микро-уровне взаимодействия и коммуникации индивидуальных

---

² См.: Шмитт К. Понятие политического. // Вопросы социологии. Том 1, 1992, 1, с. 35 – 67; Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М.: «Праксис», 2007. 301 с.; Шмитт К. Политическая теология. М.: «КАНОН-Пресс-Ц», 2000. 306с.

³ См.: Gramsci A. Selection from the Prison notebooks. Ed. by Hoare Q., Nowell-Smith G. International Publishers, 1971. 483 p.; Грамши А. Избранные произведения: [пер. с итал.] / [Под общ. ред. И. В. Григорьевой и др.; Вступит. статья Г. П. Смирнова; Примеч. И. В. Григорьевой, К. Ф. Мизиано]. — М.: Политиздат, 1980. — 422 с.

агентов. Итак, теоретические концепты не просто «описывают политику», но участвуют в ней: они являются инструментами, посредством которых происходит генерирование политических событий. Грамши, в отличие от Шмитта, допускает возможность глобальных эффектов локальных действий, но вместе с тем отрицает возможность глобальной унифицированной политической теории. Для того чтобы постулировать возможность подобного рода теории, следует допустить, что знание о политике может существовать «поверх политики», покрывая ее как некую единую сущность, но вместе с тем не смешиваясь с нею.

Замечания относительно эпистемологической платформы

Этот раскол показывает нам, что не существует никакой единой, всеобъемлющей теоретической мета-позиции, равно как и «нейтрального языка» для описания политических событий из некоей универсальной удаленной перспективы. В то же время, это не означает, что мета-рефлексия над политикой невозможна в принципе. Лишь требует признать тот очевидный факт, что любая мета-рефлексия, и, соответственно, метаязык, на которой она осуществляется, относительна и, таким образом, знание о политике включает в себя множество мета-языков, задающих собственные точки отсчета и интерпретации (в том числе и природы самой политики). Подобный вывод может обескуражить, и даже послужить поводом для обвинения в непонимании идеи мета-языка и его функций. Мы полагаем, что причиной подобных обвинений может являться представление о мета-языке, сложившееся в рамках определенного типа эпистемологической традиции, следовательно, смена эпистемологической платформы позволит нам существенно расширить представление о мета-языке и преодолеть раскол между трансцендентной и имманентной перспективой в рефлексии над политикой.

Отношения между теорией и ее объектом в социально-гуманитарных науках серьезным образом отличаются от ситуации в математике или естествознании. Любое социальное или политическое учение само по себе является социально-культурным фактом, а при определенном стечении обстоятельств – и фактом политическим. Мета-теоретическая рефлексия, осуществляемая над конкретными учениями и их функционированием в обществе, могла бы помочь разобраться с этой путаницей, но, будучи теорией, она все равно останется составной частью культуры и не избавит нас от необходимости принимать во внимание это диалектическое взаимодействие объекта и теории, являющееся специфической чертой социальных и политических наук.

Выработка альтернативного подхода к мета-языку сопряжена с определенными трудностями (что, однако, не делает этот процесс невозможным). Принцип мета-анализа не может быть заимствован из какой угодно области (например, лингвистики или семиотики) и просто механически перенесен в область политики и политической мысли. В тех

науках, предмет которых связан с историческим бытием – а политика является наиболее ярким примером такого предмета – метод не может быть оторван от содержания. Напротив, когда мы касаемся историко-генетического уровня, то пересмотр и развертывание категориального аппарата зачастую следует за развертыванием материала. Корнелиус Касториадис, говоря о единстве формы и содержания в познании, отмечал, что в случае с анализом исторического материала его связь с методом проявляется не только в том, что «наиболее глубокое исследование материала или возникновение нового материала может привести к изменению категорий, то есть метода»⁴. Речь также может идти о том, что «категории, которые мы используем для осмысления истории, как правило, оказываются реальными продуктами исторического развития. Эти категории могут стать отчетливыми и эффективными формами познания истории только тогда, когда они воплощены или реализованы в формах действительной социальной жизни»⁵.

Мы предлагаем строить политический мета-анализ, опираясь на циклическое, а не линейное понимание познания. Вслед за американским философом Томом Рокмором мы выделяем три эпистемологические установки в истории западноевропейского философского знания. Первая из них относится к временам Античности, а две других являются детищами эпохи Модерна. Согласно первой установке, критерием знания выступает непосредственная интуиция бытия, что нашло отражение в греческой концепции истины как *αλήθεια*. Смысл второй установки, нашедшей наиболее яркое выражение в рационализме Декарта, состоит в том, что в основании любого познания должен находиться некий исходный пункт, который может быть познан со всей максимальной достоверностью и из которого, согласно строгим логическим правилам, может быть выведена (дедуцирована) теория. Рокмор определяет эту установку как «фундаменталистскую», поскольку всякое знание тут ставится в зависимость от некоторого эпистемологического основания. Именно такой путь зачастую рассматривается как единственный приемлемый для получения знания, и в случае отказа от него, возникает скептическая иллюзия, что никакой другой путь попросту непригоден.

Третья установка связана с философией Гегеля, и определяется Рокмором как нефундаменталистская теория знания⁶. В ее основе и лежит циркулярный принцип, отрицающий наличие исходного пункта, истинность которого считалась бы познанной.

Согласно Рокмору, циркулярная эпистемология Гегеля стала реакцией на дебаты, развернувшиеся вокруг критической философии И. Канта. Поводом для дискуссии была архитектоника «Критики чистого разума», которую

---

⁴ Касториадис К. Воображаемое установление общества. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2003. С. 19

⁵ Там же, с. 19

⁶ Рокмор Т. Гегелевская циркулярная эпистемология как антифундаментализм // Историко-философский ежегодник, под ред. Н.В. Мотрошиловой, М., «Наука», 1991, с. 192

многие считали произвольной, из-за чего возникло убеждение, что кантовской философии не хватает систематичности. Если проследить направление дискуссии, приведшее к появлению циркулярной эпистемологии, то оно будет следующим: попытка Рейнгольда создать фундаменталистскую теорию знания, а затем ее трансформация в обоснование антифундаментализма у Фихте, Шеллинга и, в конце концов, Гегеля.

Давая оценку философии Рейнгольда в «Различии между системами философии Фихте и Шеллинга», Гегель критикует саму идею о придании философскому замыслу полностью систематической формы. Рейнгольд, с точки зрения Гегеля, пытается обнаружить некий универсальный, «имеющий всеобщую значимость прием, благодаря которому для всякого, кто ознакомится с ним, (философская) работа делается сама собой»⁷. Знание, по мнению Гегеля, не нуждается в фундаменте, поскольку начальный пункт соотносится с законченной теорией как центр с окружностью: только когда линия замыкается в окружность, мы можем говорить о центре. Таким образом, истинность теории является критерием истинности исходного принципа, но не наоборот. Следовательно, никакое притязание на то, что мы обрели некое знание, не может быть обосновано априорно, до обращения к опыту. И знание, и оправдание лежащего в его основе принципа являются общим следствием, вытекающим из построения теории и ее столкновения с опытом. При этом Рокмор считает, что в своей апелляции к апостериорному уровню Гегель идет дальше Канта, «чья трансцендентальная аргументация требует выдвижения априорных критериев знания»⁸.

Таким образом, вопреки некоторым интерпретациям, немецкая философия, идущая через Фихте к Гегелю, вовсе не была антитезой критической мысли Канта. Напротив, «если использовать предложенное самим Кантом различие духа и буквы учения, то следует сказать, что, хотя Гегель действительно был очень критично настроен по отношению к букве философии Канта, он никогда не отрешался от своей высокой оценки того, что он рассматривал как ее подлинно критический импульс»⁹. Критика Гегеля была направлена не на то, что кантовская философия критична, а на то, что она в недостаточной мере критична.

Итак, циркулярная эпистемология развивается в кильватере критической философии. В отличие от линейной теории познания, где теория как целое выводится из исходного принципа, циркулярная эпистемология исходит из убеждения о том, что притязание на знание обосновывается в ходе последовательного построения теории и ее применения к опыту. Такая процедура, в свою очередь, верифицирует или же фальсифицирует исходный

---

⁷ Гегель Г. Различие между системами философии Фихте и Шеллинга в соотнесении с работами Рейнгольда, имевшими целью облегчить обзор состояния философии в начале 19-го столетия // Кантовский сборник. Выпуск 13. Калининград, 1988. С. 155

⁸ Рокмор Т. Гегелевская циркулярная эпистемология как антифундаментализм // Историко-философский ежегодник, под ред. Н.В. Мотрошиловой, М., «Наука», 1991, с. 197

⁹ Там же, с. 195

пункт. В силу того, что, приходя в соприкосновение с опытом, теория требует постоянной корректировки, а также принимая во внимание постоянную изменчивость самого предмета познания, мы вынуждены признать невозможность окончательного подтверждения исходного пункта. Ошибкой Гегеля, по мнению Рокмора, был отказ признать этот вывод, вследствие чего он полагал, что циркулярный подход позволяет нам достичь знания в его широком, традиционном понимании. Однако это очевидным образом невозможно, потому что полученное посредством циркулярной эпистемологии знание не может быть аподиктическим, потому что такая эпистемология «не позволяет достичь абсолютной уверенности в истинности этого знания»¹⁰. Следовательно, циркулярная доктрина не только отвергает эпистемологический фундаментализм, но и требует от нас отказа от классического образца знания. В этом направлении Фихте оказывается ближе к неклассической философии, нежели Гегель, поскольку, выстраивая свою антифундаменталистскую теорию, Фихте склонялся скорее к фаллибилистической позиции, полагая, что притязание на обладание некоторым знанием может быть только гипотетическим.

Связь циркулярной эпистемологии с немецким идеализмом не должна смущать нас, поскольку эта философская традиция, особенно в ее гегелевском варианте (опять же вопреки некоторым интерпретациям, по большей части принадлежавшим ортодоксальному марксизму), вовсе не постулирует отрыв от опыта. Более того, возможно проследить определенные переключки между гегелевской философией и американским прагматизмом, на что указывает, в том числе, и Т. Рокмор. Не случайно многие исследователи, работающие в русле критической политической теории, обращаются к наследию Гегеля с целью найти там вдохновение для развития современной политической мысли¹¹. Поэтому нет ничего удивительного, что в поисках удовлетворительной концептуальной схемы, определяющей эпистемологические принципы познания политики, мы также пошли по этому пути. Неоспоримым преимуществом циркулярной эпистемологии, устанавливающей соотношение между базовым принципом, теорией и опытом, является то, что она позволяет избежать скептицизма как одного из возможных следствий антифундаментализма.

Циркулярный принцип использовал Карл Поппер, желая показать, что принцип универсальной рациональности вовсе не предполагает отказ от свободного, критического движения мысли. Напротив, только в таком движении рациональность и может быть сохранена. Подобно тому, как попперовская модель рациональности существует только в ситуации постоянного анализа собственных оснований, так и политика вынуждена проводить рефлексию над самой собой, чтобы сохранять свою

---

¹⁰ Там же, с. 202

¹¹ В качестве примера мы можем упомянуть здесь Герберта Маркузе, Славоя Жижека и Шейлу Бенхабиб, а также Жюль Делёза, которого хоть и затруднительно причислить к сторонникам критической теории, но чьи идеи, в том числе касающиеся и интерпретации Гегеля, несомненно, послужили источником вдохновения для многих современных политических философов.

жизнеспособность. Этот анализ можно было бы назвать «имманентным», ведь он встроен в сам механизм продуцирования политических идей и чужд разделению на «деятелей» и «созерцателей». Такой самоанализ сущностно необходим политике, но это не значит, что он присутствует всегда и везде. Однако если мы обратимся к политической мысли последних десятилетий, то найдем множество примеров того, как политические концепты пересматривались и реконфигурировались под воздействием вызовов политической реальности, создавая новые инструменты политической практики.

Циркулярный принцип в метаполитике Алена Бадью

Основная мысль этой статьи состоит в том, что вполне возможно сохранить идею мета-языка при смене эпистемологической перспективы, однако это потребует от нас определенных уточнений по поводу того, как будет функционировать такая мета-рефлексия. Эти уточнения будут касаться следующих вопросов: Как понимать мета-язык политики? Где может быть локализован мета-язык? Каковы средства такого мета-языка? По нашему мнению, одним из самых наглядных примеров совмещения трансцендентальной и имманентной перспективы является проект метаполитики Алена Бадью. Мы настаиваем на том, что данный проект включает в себя мета-язык описания политики, который, однако, отличен от традиционного мета-языка, постулируемого в политической философии, и потому может даже не распознаваться в качестве такового. Эта специфика выработанного Бадью мета-языка обусловлена тем, что в его основу положен принцип циркулярной эпистемологии, во многом объясняющий особенности его функционирования и локализацию.

Проект метаполитики Алена Бадью выстроен как антитеза по отношению к традиционной политической философии и представляет собой, в числе прочего, критику последней. Под «политической философией» Бадью понимает программу, рассматривающую «политическое» как объективную данность всеобщего опыта и полагающую своей целью сформулировать мысль о политическом в сфере философии¹². В свою очередь метаполитика также представляет собой философское предприятие, но такое, которое извлекает выводы из ключевой идеи Бадью: «реальные разновидности политики являются мыслями»¹³. Несмотря на трансисторический характер философского предприятия, оно, тем не менее, всегда обусловлено конкретными условиями. Вневременное предназначение философии заключается в регистрации событий, пост-событийных производств истины и создании концептуального пространства их возможности. Реальные разновидности политики – это, прежде всего, освободительные политики коллективной мысли, направленные на

---

¹² Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику?: Краткий курс метаполитики / Пер. с фр. Скуратова Б., Голубович К. под ред. Никифорова О. — М.: Логос, 2005. — 240 с. — с. 103

¹³ Там же, с. 94

установление фиксированной меры мощности государства как принципиального аполитического органа. Отношение между политикой и философией являются отношением, когда политика обуславливает философию. Как мы видим из такого описания метаполитики, Бадью соединяет в ней элементы трансцендентальной и имманентной перспективы, создавая совершенно особую позицию для субъекта рефлексии, одновременно представляющего и как субъект действия. В противоположность этому субъект рефлексии в политической философии – это философ как созерцатель и судья, который имеет доступ к реальности лишь к модальности суждения.

Бадью предлагает концептуальную схему, укорененную в языке математики, поскольку, по мнению французского философа, математика и есть наука о бытии¹⁴, или же представляет собой своего рода «первую онтологию». В «Бытии и событии» Бадью постулирует существование чистой множественности (и невозможность Единого), из чего путем дедукции выводит ряд философских следствий, распространяя их на четыре сферы опыта, в которых возможно событие: искусство, любовь, науку и политику. Единого не существует, есть лишь «счет-за-одно», соединяющий фрагменты в целостную картину. Множественность, таким образом, есть ни что иное, как «эффект предъявления», который не может быть воспринят непосредственно, но реконструируется «задним числом», как то, что имело место до сосчитанного единства. Математика именно потому является подлинной онтологией, что не предъявляет *ничего* предметного, помимо самого предъявления или Множественного¹⁵. Чистая множественность присутствует только на досимволическом уровне. Символический же уровень представлен сосчитанными множествами, в которых возможно различить элементы, их композицию и связи. Для обозначения таких сосчитанных множеств Бадью использует понятие ситуации, под которым следует понимать любой комплекс фактов и явлений, которые, однако, никогда невозможно генерализировать, подвести под общий знаменатель.

Главными композиционными элементами мета-языка Бадью, его структурообразующими концептами (кроме «единицы» и «множества») становятся «истина», «субъект» и «событие». Бадью проводит разграничение между «знанием» и «истиной». Речь здесь вовсе не идет о степени достоверности знания, поскольку в этом случае мы бы находились в рамках вполне привычной для нас дихотомии «субъективное мнение» / «объективная истина», оформившейся еще в традиции греческого рационализма. У Бадью это различие пролегает не внутри эпистемологии, а между рефлексией и действием: знание принадлежит первой, а истина – последнему. Любой дискурс, воплощающий сферу знаний, описывает наличную ситуацию и одновременно легитимирует ее. Он, таким образом, вписан и обслуживает сложившуюся ситуацию, и, поэтому представление о

---

¹⁴ См.: Badiou A. Being and Event, transl. by Oliver Feltham; (New York: Continuum, 2005).

¹⁵ Badiou A. Being and Event, transl. by Oliver Feltham; (New York: Continuum, 2005). P.7

ситуации и сама ситуация становятся неразличимыми. Говоря об этой «неразличимости», мы имеем в виду то самое соответствие между действительностью и суждением о ней, которое традиционно признается надежным критерием истины. Однако Бадью подвергает такое соответствие критике, определяя его не как «истину», но только лишь как «правдоподобие». Возможно, суть этой критики станет яснее, если мы вспомним о специфике производства знания о социальных феноменах, которая связана, в числе прочего, и с особенностями нашего использования языка. Критерий истины как соответствия был выработан, в первую очередь, для познания физического мира, то есть для ситуаций, когда наши описания никак не влияют на принципы функционирования того, что описывается. В случае же с социальными объектами, и в особенности – политическими, описание ситуации становится частью ситуации, то есть одним из факторов ее развития. Следовательно, в этом случае использование языка никогда не бывает дескриптивным, но всегда перформативным. Именно поэтому классическое определение истины через корреспонденцию оказывается здесь неприменимым, поскольку «соответствие» зачастую становится результатом «подстраивания» ситуации под ее описания.

Согласно Джону Остину, в случаях перформативного использования языка категории «истинности» и «ложности» вообще оказываются нерелевантными. Однако Бадью не только не отказывается от «истины», но и превращает ее в один из ключевых концептов своей мета-политики. Это становится возможным именно потому, что французский философ полностью меняет смысл данной категории. Истина у Бадью локализована не в суждении, а в действии. Истина есть не то, что устанавливается, а то, что *производится*. Истина имеет дело с избытком, присутствующим в любой ситуации. Этот избыток представляет собой *неподсчитанное*, то есть то, что оказалось «слепым пятном» принятых систем знания. Истина производится тогда, когда неучтенное, незамечаемое, игнорируемое, то, что не принималось во внимание и чему отказывали в существовании, вдруг заявляет о себе, обретает свой голос. Этот момент заявления о себе неподсчитанного Бадью называет *событием*. Примером события может быть парадигмальный сдвиг в науке, политическая революция, появление нового направления в искусстве или любовная встреча.

Событие разворачивается в измерении, которое несовместимо с позитивным порядком бытия, и является невозможным, если мы опираемся на знание о ситуации. Оно вырастает внутри ситуации, из ее внутренней противоречивости. Событие трансцендирует ситуацию, т.е. прерывает обычное восприятие и предоставляет возможность занять иную точку зрения, с которой противоречия ситуация будут явными. Оно является истиной ситуации, истиной, которая одновременно обязательна и исторически конкретна¹⁶.

---

¹⁶ Оришева О. Событие мысли и философия события // [электронный ресурс]: режим доступа <http://refdb.ru/look/3811308.html>

Истина в трактовке Бадью имеет два аспекта – позитивный и негативный. Негативный аспект, или «уничтожение», выражается в обнаружении несостоятельности ситуации, вытекающей из ее внутренних противоречий. На первый взгляд, малозначительный факт может означать лишь нерегулярную ошибку или злоупотребление, но к этому факту можно применить симптоматическое прочтение, и тогда казалось бы случайная ошибка может свидетельствовать о глубинных изъянах системы в целом. Позитивный аспект, или «вычитание», заключается в создании места для возникновения радикально нового. Из события черпаются отсроченные, невиденные, непредставимые ранее формы опыта, организации, субъективности.¹⁷ Событие – пусковой механизм появления нового, практически случайность и незаметный сдвиг в диспозитиве знания. Но так как событие лишь пусковой механизм, мы должны обратиться к тем, кто осуществляет истину, в конечном итоге, к теме Субъекта.

Субъект – еще одна категория, которая используется Бадью далеко за пределами той интерпретации, которую обеспечивает этому понятию философская традиция. Под традиционной (или классической) интерпретацией субъекта мы понимаем картезианское *ego cogito*, а также производную от него концепцию трансцендентального сингулярного субъекта, положенную в фундамент классического либерализма. У Бадью субъект – это локальная и случайная конфигурация, в состав которой входят отдельные индивиды. Субъект избыточен по отношению к каждому индивиду¹⁸. Именно в силу этой избыточности субъект не может быть отождествлен с «рефлексирующим Я». Субъект не предсуществует процессу, сам процесс истины индуцирует субъект. Можно провести параллель с гегелевской трактовкой субъекта, согласно которой он «не обладает своим собственным бытием, а является всего лишь разрывом в бытии, вносящим смятение в любую целостность, отказывая ей в самотождественности и побуждая ее к выходу за свои границы»¹⁹.

Теория субъекта А. Бадью – это наглядный пример того, как математический аппарат может быть привлечен для разработки инструментария осмысления политики. Эта теория опирается на метод форсинга, придуманный П. Коэном для построения моделей теории множеств с заданными свойствами. Коэн обращается к стандартной счетной модели Цермело-Френкеля. В этой модели существуют множества, которые ей не принадлежат. Их присоединение к модели расширяет ее, причем надлежащим выбором подмножества можно добиться желаемых свойств расширенной модели. Можно установить связь между принадлежностью

---

¹⁷ Бадью А. Разрушение, отрицание, вычитание // Red Flora. 2012 [электронный ресурс]: режим доступа http://www.redflora.org/2012/05/blog-post_15.html

¹⁸ Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла / Пер. с франц. В. Е. Лапицкого. — СПб., Machina, 2006. — 126 с. — с. 67

¹⁹ Власов А. Клинамен Гегеля и Фрейда // [электронный ресурс]: режим доступа <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/klinamen-gegelya-i-freida>

элементов присоединяемому множеству и истинностью формул в расширенной модели. Однако должны быть соблюдены условия, чтобы это стало возможным, одно из которых состоит в том, что множество не может быть описано никакой формулой языка теории множеств. Такое всегда бесконечное множество П. Коэн назвал генерическим. Если оно не описывается языком, для своего формирования оно нуждается в субъекте-математике указывающем, какие элементы к нему принадлежат²⁰.

Бадью специфическим образом перерабатывает идеи Коэна. Субъект, по Бадью, осуществляет набор генерического множества, полагаясь на свое понимание связи элементов с событием, особым несосчитанным множеством, а потом уже делает выводы о свойствах новой ситуации, в которой генерическое множество станет элементом. Субъект говорит на языке будущей ситуации, в которой генерическое множество уже реализовано. Именно эта структура у А. Бадью прокладывает мост от формальной аксиоматики к интуиционизму. Для интуиционизма математика, прежде всего, деятельность. Она не зависит от языка, который служит всего лишь транслятором истин. Поэтому математика не может быть помыслена без субъекта и должна пониматься как интеллектуальная деятельность последнего.

Теория субъекта А. Бадью приближается к интуиционизму, когда он использует понятие свободно выбираемой последовательности. Последовательность выборов является конструктивным объектом, служащий для концептуализации бесконечности. Она представляет собой последовательность объектов конструируемую на каждом шагу выбором следующего объекта. Последовательность выборов может быть законносообразна или свободна. Последней не обязательно быть определенной до своего разворачивания. Не существует способа предсказать поведение свободной последовательности²¹. Однако, между интуиционистской последовательностью и процедурой истины у Бадью есть существенное различие, которое заключается в том, что последняя детерминирована событием – существующим, но не являющимся в ситуации множеством или являющимся в ситуации только в форме субъекта и благодаря ему.

Итак, субъект направлен на смену конфигурации знания и становится проводником новой перспективы. Эта смена конфигурации происходит тогда, когда неучтенные элементы ситуации становятся опознанными в результате переработки мнений. Это не значит, что мнения становятся истинными, но то, что они становятся другими. Этот эффект переработки мнений А. Бадью обозначает как сила истин. Всякая истина имеет дело с элементами ситуации и испытывает их с точки зрения события. В таком случае, можно сказать, что имеет место опознание элементов процессом истины, и индивид, входящий в субъект, внесет свой вклад в опознание,

---

²⁰ Доманов О. А. Бадью Между формализмом и интуиционизмом // Вестник томского государственного университета. 2012. №2 [электронный ресурс]: режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/alen-badyu-mezhdu-formalizmom-i-intuitsionizmom> (дата обращения: 10.02.2014)

²¹ Там же

используя язык ситуации. Процесс истины тогда «продырявливает» язык ситуации и все ее знания. Испытание элемента согласно истине отличается от прагматического суждения о нем в терминах мнения. Речь идет о том, чтобы высказаться об элементе исходя из истины, пост-событийного разрыва. Истина в конечном итоге изменяет имена, ее именование является не прагматическим наименованием и в своей исходной точке, и предназначении. Таким образом, помимо языка объективной ситуации, благодаря которому осуществляется коммуникация, существует язык-субъект или язык субъективной ситуации, которая позволяет запись истины. Будучи направлена на мнения, сила истины вынуждает прагматические наименования деформироваться при соприкосновении с языком – субъектом. Именно благодаря этому устоявшиеся коды меняются²². Из трактовки Бадью связи субъекта и истины, можно вывести следующее следствие. Нет объективной позиции, с которой можно было бы установить истину. Истина устанавливается именно с субъективной, ангажированной и вовлеченной позиции.

В пример такого именованя с точки зрения истины можно привести операцию вмешательства, выполненную К. Марксом. Исходная точка «Манифеста коммунистической партии» состоит в том, что имеется революционное рабочее движение. Здесь нет никакой дескрипции, никакой корреспонденции. Это чистое «имеется» или, если брать терминологию Жака Лакана, некое «реальное». Пролетариат, о котором пишет К. Маркс, не отсылает к социальной силе, но является исключительно политическим именем пустого множества, которое не представлено в официальном дискурсе. Это потенциально подрывная сила устоявшегося положения дел в ситуации и возможность переустройства общества в соответствии с эгалитарной максимой²³. Подобное именование становится интерпретативным вмешательством в том смысле, что оно разрывает прежний порядок знания, позволяя появиться тому, что Бадью именует «силой истин». Всякая истина имеет дело с элементами ситуации и испытывает их с точки зрения события. Индивиды, становящиеся частью субъекта, вносят свой вклад в опознание элементов ситуации, исходя из истины пост-событийного разрыва. Истина в конечном итоге изменяет имена, ее именование является не прагматическим наименованием и в своей исходной точке, и в предназначении. Таким образом, помимо языка объективной ситуации, благодаря которому осуществляется коммуникация, существует язык-субъект или язык субъективной ситуации, которая позволяет запись истины. Будучи направлена на мнения, сила истины вынуждает прагматические наименования деформироваться при

---

²² Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла / Пер. с франц. В. Е. Лапицкого. — СПб., Machina, 2006. — 126 с. — с. 115

²³ Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику?: Краткий курс метаполитики / Пер. с фр. Скуратова Б., Голубович К. под ред. Никифорова О. — М.: Логос, 2005. — 240 с. — с. 47

соприкосновении с языком-субъектом. Именно благодаря этому устоявшиеся коды меняются²⁴.

Заключение

Итак, подведем итоги наших рассуждений. Вопрос о возможности мета-языка является довольно противоречивым моментом современной философии политики. Большинство теоретиков выбирают в этом споре одну из сторон, которые условно можно обозначить как «трансцендентальную» и «имманентную» позиции, однако и в том, и в другом случае мы получаем следствия, которые не можем признать удовлетворительными. В случае выбора трансцендентной позиции мы передоверяем выносить суждения о политике философу-наблюдателю, который выступает в качестве судьи и единственного эксперта в вопросах о том, какие явления следует или не следует определять как «политические». При этом принимается допущение, что сами критерии принадлежности к «политическому» носят трансцендентальный и внеисторический характер, а суждения философа дают нам единственно возможную истину, вечно ускользающую от самих участников политического процесса. Одним из самых проблематичных моментов такого подхода является маскировка властных интересов, инвестируемых в описания и определения политики. Такая маскировка осуществляется здесь за счет конструирования оппозиции между «профанами» и «экспертами». Другим следствием, также вызывающим сомнения, оказывается попытка дать универсальное определение содержанию политики, ее границам и ее составляющим, раз и навсегда приписать тем или иным объектам их статус согласно их причастности или непричастности к политическому. При этом не принимается во внимание (или отрицается) факт участия интерпретации политики в политическом процессе. Одной из причин такой слепоты может быть позитивистская иллюзия, заставляющая воспринимать отношения между политической теорией и ее предметом по аналогии с парадигмой естествознания, где описание процессов не влияет на их протекание.

Имманентная позиция избегает вынесения интеллектуальной рефлексии за пределы политики, сохраняя мысль, в том числе и теоретическую, как неотъемлемую часть политической практики. В рамках этой позиции нам гораздо легче проследить связь между различными системами знания и интересами различных социальных групп. Мы получаем возможность анализировать практики производства и организации знания в контексте прочих социальных (в том числе и политических) практик, что позволяет пролить свет не только на некоторые эпистемологические вопросы, но и на то, как функционирует власть. И, конечно же, имманентная перспектива чужда интеллектуальному авторитаризму, и потому в ее рамках нет деления на «профанов» и «экспертов», критерием которого была бы идея

---

²⁴ Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла / Пер. с франц. В. Е. Лапицкого. — СПб., Machina, 2006. — 126 с. — с. 115

причастности к некоей внеисторической и универсальной «истине». Однако и такая позиция кажется нам проблематичной, поскольку затрудняет разговор о теоретической значимости рефлексии над политикой за пределами ее практического смысла. Полный отказ от идеи мета-описания вряд ли может быть назван удовлетворительным.

Такая ситуация похожа на концептуальный тупик, но, на наш взгляд, этот тупик есть не более чем иллюзия, а точнее – показатель ограниченности линейной эпистемологии. Выходом из тупика является смена эпистемологических установок и разработка мета-языка политики в рамках циркулярной теории познания. Анализ политики, предложенный Аленом Бадью, является, на наш взгляд, хорошим примером того, как возможно мета-описание, которое бы одновременно удерживало и трансцендентную и имманентную перспективы. Мета-политика Бадью есть чисто философское предприятие, которое, однако, занято не укладыванием реальности в прокрустово ложе спекулятивных понятий, выступающих в качестве трансцендентной точки отсчета и универсального мерил, но извлечением выводов из того факта, что сами политики являются мыслями. Можно ли сказать, что проект А. Бадью располагает мета-языком описания политики? Мы полагаем, что ответ должен быть утвердительным. На основании рассмотрения процедуры вмешательства, можно сказать, что язык-субъект является богатым как минимум на одно пустое имя. Это пустое имя, введенное как операциональное понятие, позволяет переконфигурировать все поле политики, дает возможность разрешения внутренних противоречий ситуации. Итак, мета-язык политики в проекте Бадью локализован в философии, и при этом тесно связан с категориальным аппаратом современной математики. Главная функция такого мета-языка состоит в том, чтобы описывать реконфигурацию в политическом поле, запущенную операциональным, неопределенным понятием.

Список литературы:

1. Бадью А. Разрушение, отрицание, вычитание // Red Flora. 2012 [электронный ресурс]: режим доступа http://www.redflora.org/2012/05/blog-post_15.html (дата обращения: 10.02.2014)
2. Бадью А. Мета/Политика: Можно ли мыслить политику?: Краткий курс метаполитики / Пер. с фр. Скуратова Б., Голубович К. под ред. Никифорова О. — М.: Логос, 2005. — 240 с.
3. Бадью А. Этика: Очерк о сознании Зла / Пер. с франц. В. Е. Лапицкого. — СПб., Machina, 2006. — 126 с.
4. Власов А. Клинамен Гегеля и Фрейда // [электронный ресурс]: режим доступа <http://www.topos.ru/article/ontologicheskie-progulki/klinamen-gegelya-i-freida> (дата обращения: 10.02.2014)
5. Гегель Г. Различие между системами философии Фихте и Шеллинга в соотнесении с работами Рейнгольда, имевшими целью облегчить обзор состояния философии в начале 19-го столетия // Кантовский сборник. Выпуск 14. Калининград, 1988. 160 с.

6. Грамши А. Избранные произведения: [пер. с итал.] / [Под общ. ред. И. В. Григорьевой и др.; Вступит. статья Г. П. Смирнова; Примеч. И. В. Григорьевой, К. Ф. Мизиано]. — М.: Политиздат, 1980. — 422 с.
7. Доманов О. А. Бадью Между формализмом и интуиционизмом // Вестник томского государственного университета. 2012. №2 [электронный ресурс]: режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/alen-badyu-mezhdu-formalizmom-i-intuitsionizmom> (дата обращения: 10.02.2014)
8. Касториadis К. Воображаемое установление общества. М.: Издательство «Гнозис», Издательство «Логос», 2003. 480 с.
9. Оришева О. Событие мысли и философия события // [электронный ресурс]: режим доступа <http://refdb.ru/look/3811308.html> (дата обращения: 10.02.2014)
10. Рокмор Т. Гегелевская циркулярная эпистемология как антифундаментализм // Историко-философский ежегодник'91: Сборник статей: сборник / Академия наук СССР, Ин-т филос. — М.: Наука, 1991. - С. 190-205
11. Шмитт К. Политическая теология. М.: «КАНОН-Пресс-Ц», 2000. 306с.
12. Шмитт К. Понятие политического. // Вопросы социологии. Том 1, 1992, 1, с. 35 – 67
13. Шмитт К. Теория партизана. Промежуточное замечание к понятию политического. М.: «Праксис», 2007. 301 с.
14. Badiou A. Being and Event, transl. by Oliver Feltham; (New York: Continuum, 2005).
15. Gramsci A. Selection from the Prison notebooks. Ed. by Hoare Q., Nowell-Smith G. International Publishers, 1971. 483 p.
16. Jessop, B. Political ontology, political theory, political philosophy and the ironic contingencies of political life. In: Der Menschsein Zoon Politikon: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, Darmstadt. 2005, Pp. 189-208.